УДК 159.922.2

ЛИЧНОСТНЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФРУСТРИРОВАННОСТИ ПЕДАГОГОВ

Мещерина Н.Г., Власова О.Г., Банщикова Т.Н.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, e-mail: noc-sevkav@mail.ru

Социальная фрустрированность представлена как комплекс переживаний и отношений личности, возникающих в ответ на действие фрустрирующих факторов, которые тесно связаны с системой жизненных целей и ценностей, индивидуальным опытом, а также рядом других факторов, имеющих культурную обусловленность – традициями, нормами и ценностями конкретной культурной общности. Дан анализ взаимодействия социальных, личностных и кросс-культурных факторов социальной фрустрированности педагогов. Выявлена внутренняя факторная структура социальной фрустрированности у педагогов, принадлежащих к различным этническим общностям (русские, кабардинцы, осетины). В целом проведенное исследование позволило установить, что факторы депривации значимых социальных потребностей личности, проявляющие себя в симптоматике социальной фрустрированности, тесно связаны с региональной и этнической культурой, представителем которой является субъект.

Ключевые слова: личность, субъект, агрессия, социальная фрустрированность, культура, кросс-культурная психология, психологические измерения культуры, этно-культурные факторы, народы Северного Кавказа, кабардинцы, осетины

PERSONAL AND CROSS-CULTURAL FACTORS SOCIAL FRUSTRATION TEACHERS

Mescherina N.G., Vlasova O.G., Banschikova T.N.

North Caucasian Federal University, Stavropol, e-mail: noc-sevkav@mail.ru

Social frustration is represented as a set of experiences and attitudes of the person, arising in response to the frustrating factors that are closely linked to the system of life goals and values, individual experience, as well as a number of other factors that are cultural conditioning – traditions, norms and values of a particular cultural community. The analysis of the interaction of social, personal and cross-cultural factors of frustration of teachers. Spotted an internal factor structure of social frustration at teachers belonging to different ethnic communities (Russian, Kabardians Ossetians). In general, the study revealed that the factors of deprivation significant social needs of the individual symptoms manifest themselves in social frustration, which is closely related to the regional and ethnic culture, which is representative of the subject.

Keywords: personality, subject, aggression, social frustration, culture, cross-cultural psychology, psychological dimensions of culture, ethno-cultural factors, the peoples of the North Caucasus, Kabardians, Ossetians

Профессиональная деятельность педагога характеризуется повышенным уровнем ответственности, широтой и интенсивностью социального взаимодействия, динамичностью и неопределенностью профессиональных ситуаций, что обуславливает ее чрезвычайную напряженность и стрессогенность [4, 6]. В последние годы напряженность педагогической деятельности возрастает и в связи с усилением внутренних противоречий системы образования, обусловленных, с одной стороны, ее консервативностью, а с другой стороны, процессами модернизации [2, 8, 11]. Вместе с тем стрессогенность педагогической деятельности определяется не только ее содержанием, но и психосоциальными факторами. Диссонанс между ожиданиями, смыслами, ценностями педагога как субъекта профессиональной деятельности и возможностями их реализации в социальных условиях, составляет основу социальной фрустрированности, оказывающей деструктивное влияние на его личность и профессиональную деятельность.

В отечественной психологии понятие социальной фрустрированности раскрывается в категориях здоровья и адаптации [1, 5], ценностей и смыслов [3], психических состояний [10]. Социальную фрустрированность принято рассматривать как ответ на действие фрустрирующих факторов в виде комплекса переживаний и отношений. Эти переживания, субъективно воспринимаясь человеком как депривация его значимых социальных потребностей, порождают разного рода эмоциональные возбуждения, вплоть до агрессивных проявлений. Выход из фрустрирующей ситуации с помощью агрессивных действий воспитывает у индивида привычку к подобным действиям. Фрустрационные переживания тесно связаны с системой жизненных целей и ценностей индивида, его индивидуальным опытом, а также рядом других факторов, имеющих культурную обусловлен-

ность – традициями, нормами и ценностями конкретной культурной общности.

Цель исследования состояла в выявлении и анализе социальных, личностных и кросс-культурных факторов социальной фрустрированности педагогов. Основная гипотеза строилась на предположении об опосредованности социальных фрустрирующих факторов, оказывающих влияние на педагогов культурным контекстом жизнедеятельности, задаваемым, с одной стороны, их принадлежностью к этнической группе, а с другой – личностно-регуляторными особенностями субъекта.

Материал и методы исследования

Выборку испытуемых составили 247 педагогов Юга России, работающих в образовательных учреждениях г. Ставрополя и Ставропольского края (43 человека); г. Краснодара и Краснодарского края (35 человек); Кабардино-Балкарии (59 человек); Северной Осетии – Алании (57 человек); Карачаево-Черкессии (53 человека). Этнический состав выборки представлен русскими (106 человек); кабардинцами (48 человек); осетинами (27 человек); карачаевцами (12 человек); черкесами (8 человек); украинцами, армянами (по 4 человека); абазинами и балкарцами (по 3 человека); даргинцами, грузинами (по 2 человека); кумыками, чеченцами, латышами и белорусами (по 1 человеку). Большая часть испытуемых (223 из 247) – женщины. В связи с разнородностью этнического состава испытуемых по регионам и недостаточной этнической представительностью региональных выборок для сравнительного анализа были выбраны 3 наиболее представительные выборки испытуемых – русские, кабардинцы и осетины.

Сбор эмпирических данных проводился посредством следующих методов.

1. Анкета, включающая в себя вопросы закрытого типа, направленные на выявление социально-демографических характеристик испытуемых.

2. Методика Л.И. Вассермана, разработанная для оценки социального благополучия личности и уровня ее социальной фрустрированности [5]. Опросник включает список из 20 позиций, касающихся неудовлетворенности разными сферами личностно-средовых взаимоотношений. Опросник содержит 5 основных направлений (шкал) по 4 позиции в каждом, включающими в себя удовлетворенность сферами отношений субъекта – с родными и близкими, с ближайшим социальным окружением; удовлетворенность своим социальным статусом, социально-экономическим положением и образом жизни в целом.

3. Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) [7], направленный на выявление мотивационно-ценностной структуры личности, который включает шкалы жизненных ценностей (развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение, достижение, сохранение своей индивидуальности), а также перечень жизненных сфер, в которых эти ценности реализуются (профессиональная жизнь, образование, семейная жизнь, общественная активность, увлечения, физическая активность).

Математико-статистическая обработка данных проводилась в среде SPSS с использованием классических методов математического анализа, включающих в себя процедуры нормализации данных, дисперсионного, корреляционного, факторного и кластерного анализа, а также дискриминантного анализа корректности кластеризации. Для уточнения и содержательного описания психологических различий выборок, связанных с уровнем социальной фрустрированности респондентов, применялись процедуры сравнения значимости различий между выборками испытуемых с использованием Т-критерия для независимых выборок, а также метод сравнения М-средних с последующим графическим представлением результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

Проверка статистических гипотез о неравенстве в уровне отдельных сфер социальной фрустрированности с использованием т-критерия Стьюдента для попарного сравнения трех независимых выборок показала наличие ряда значимых различий между группами в сферах социальной фрустрированности и жизненных ценностей ($p < 0{,}005$). В графической визуализации обнаруженных различий показатели, значимо различающиеся в выборках, соотнесены со сравниваемыми группами посредством процедуры расчета М-средних.

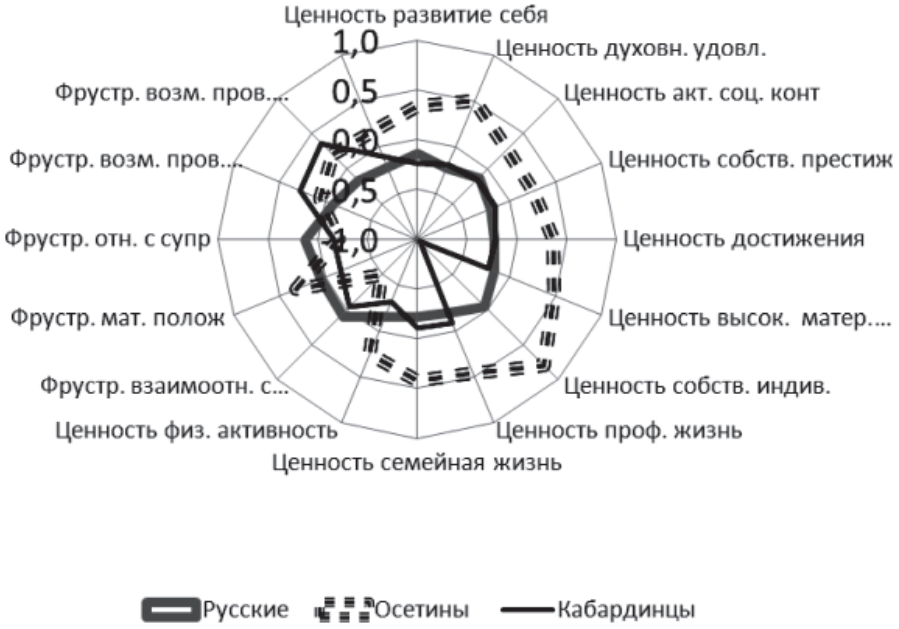
Выборки осетинских и кабардинских педагогов характеризуются высокой выраженностью, по сравнению с русскими, фрустрированности возможностей проведения отпуска и досуга, а также высокой неудовлетворенностью уровнем своего материального положения.

Группа педагогов-осетин значимо отличается выраженностью потребности в реализации своих жизненных ценностей, в первую очередь собственной индивидуальности, духовного удовлетворения, развития себя, а также семейных и профессиональных ценностей (в попарных сравнениях с русскими и кабардинцами $p = 0{,}000$).

Как видно из рисунка, яркой чертой выборки педагогов-кабардинцев является так же, как и для осетин, неудовлетворенность возможностями выбора формы проведения отпуска и досуга. Представленность в этой выборке показателей терминальных ценностей, оказывающих влияние на потребности и мотивацию личности, совпадает с ценностями русских педагогов по всем пунктам, за исключением одного – значимости ценности собственной индивидуальности ($p = 0{,}0000$). Данный результат в целом, согласуется с устоявшимися в социологии и психологии концепциями дихотомии восточной и западной культур и идеей психологических измерений культур [12]. В рамках имеющихся научных данных традиции восточных культур (к которым относится

кабардинцы), базируются на ценностях коллективистской культуры; поведение человека определяется принадлежностью к группе, а групповые цели превалируют над индивидуальными.

Выявленные различия между группами русских, кабардинских и осетинских педагогов позволили предположить, что структура связи между различными элементами их социальной фрустрированности имеет специфику, обусловленную этнокультурно. Для проверки этой гипотезы был проведен анализ факторной структуры социальной фрустрированности во всех трех выборках. С целью выявления общей базовой факторной структуры социальной фрустрированности педагогов был проведен факторный анализ данных, полученных на основной выборке испытуемых ($N = 247$), что позволило выделить 6 факторов, описывающих 61,9% дисперсии и образующих удовлетворительную факторную структуру.



Показатели социальной фрустрированности и жизненных ценностей в группах русских, кабардинских и осетинских педагогов

В первый фактор (15,1% объясненной дисперсии) вошли шкалы удовлетворенности возможностью проведения отпуска (0,747), выбора места работы (0,680), проведением досуга (0,664), интегральный индекс фрустрированности (0,583) и удовлетворенность отношениями с друзьями (458). Условно этот фактор был обозначен как «Возможности». Второй фактор (14,2% дисперсии), обозначенный как «Профессия», включил в себя шкалы удовлетворенности взаимоотношениями с субъектами профессиональной деятельности (0,758), условиями профессиональной деятельности (0,663), содержанием своей работы (0,590) и взаимоотношениями с коллегами (485). Третий фактор, объясняющий 10,2% дисперсии «Социально-экономический статус», включил в себя шкалы удовлетворенности своим материальным положением (0,748), жилищно-бытовыми условиями (0,710) и положением в обществе (0,524). В четвертый фактор «Семья» (9,1% совокупности) вошли шкалы удовлетворенности отношениями с детьми (0,729), родителями (0,641), супругом (0,608) и образом жизни в целом (0,555). Пятый фактор «Общественно-политические условия» объясняет 7,2% дисперсии и представлен шкалами удовлетворенности обстановкой в обществе (0,820), а также сферами медицинского обслуживания(0,581) и услуг (0,460). Шестой фактор – «Образование» – объясняет 6,1% и включает в себя шкалы удовлетворенности своим образованием (0,785) и отношениями с администрацией (0,521).

Для выявления этно-культурной специфики проявления социальной фрустрированности педагогов был проведен факторный анализ ее показателей отдельно по группам, что позволило зафиксировать ключевые различия в структуре социальной фрустрированности педагогов трех выборок.

Факторная структура русских педагогов представлена шестью факторами (табл. 1).

В скобках обозначен процент объясненной дисперсии по каждому из факторов, а также факторный вес показателей.

Для русских педагогов удовлетворенность возможностями выбора (отдыха, досуга, работы) связана с общим уровнем социальной фрустрированности, а также степенью удовлетворенности медицинским и бытовым обслуживанием. Показатель удовлетворенности отношениями с супругом в выборке русских педагогов переместился из фактора «семья» в фактор «общество» и оказался связанным с отношениями с друзьями и удовлетворенностью обстановкой в обществе.

Таблица 1

Факторы социальной фрустрированности русских педагогов
(N = 106, объясненная дисперсия 61,6 %)

1 фактор (16 %) Возможности	→ *медицинское обслуживание (0,704)* → *сфера услуг (0,699)* → *возможность проведения отпуска (0,683)* → *общий уровень социальной фрустрированности (0,673)* → *выбор места работы (0,622)* → *проведение досуга (0,537)*
2 фактор (11 %) Экономический статус	→ *жилищно-бытовые условия (0,823)* → *положение в обществе (0,731)* → *материальное положение (0,577)*
3 фактор (10,5 %) Профессия	→ *содержание профессиональной деятельности (0,779)* → *условия профессиональной деятельности (0,690)* → *образ жизни в целом (0,558)* → *отношения с субъектами профессиональной деятельности (0,526)*
4 фактор (8,6 %) Окружение	→ *отношения с друзьями (0,642)* → *взаимоотношения с супругом (0,640)* → *обстановка в обществе (–0,508)*
5 фактор (8 %) Образование	→ *удовлетворенность уровнем образования (0,761)* → *взаимоотношения с администрацией (0,610)* → *взаимоотношения с коллегами (0,479)*
6 фактор (7,5 %) Семья	→ *взаимоотношения с родителями (0,779)* → *взаимоотношения с детьми (0,719)*

Факторная структура социальной фрустрированности в выборке кабардинских педагогов (табл. 2) имеет характерные отличия, объяснимые с позиций психологических измерений культуры [12], и, в частности, дихотомии индивидуального и коллективного.

Таблица 2

Факторная структура социальной фрустрированности педагогов-кабардинцев
(N = 48, объясненная дисперсия 68,2 %)

1 фактор (17,4 %) Общество	→ *взаимоотношения с коллегами (0,752)* → *обстановка в обществе (0,656)* → *взаимоотношения с администрацией (0,655)* → *образ жизни в целом (0,647)* → *удовлетворенность сферой услуг (0,547)*
2 фактор (17,3 %) Профессия	→ *условия проф. деятельности (0,826)* → *образование (0,760)* → *положение в обществе (0,745)* → *материальное положение (0,741)* → *содержание профессиональной деятельности (0,640)* → *взаимоотношение с субъектами профессиональной деятельности (0,541)*
3 фактор (14,3 %) Возможности	→ *проведение досуга (0,777)* → *возможность выбора места работы (0,717)* → *возможность проведения отпуска (0,695)* → *медицинское обслуживание (0,673)*
4 фактор (12,2 %) Семья	→ *отношения с детьми (0,844)* → *отношения с супругом (0,717)* → *отношения с родителями (0,687)*
5 фактор (7 %) Друзья	→ *взаимоотношения с друзьями (0,845)* → *удовлетворенность сферой услуг (–-0,419)*

В группе кабардинцев, по сравнению с совокупной мультиэтнической выборкой испытуемых, фактор, условно обозначенный как «Возможности», по своей значимости становится третьим, а на первое место в факторной структуре выходит фактор «Общество», включающий в себя показатели системы формальных и профессиональных отношений. Примечательно, что именно в этот фактор оказалась включенной и шкала удовлетворенности образом жизни в целом, выступающая в определенной мере индикативной в определении наиболее значимой сферы потребностей человека.

Анализируя факторную структуру социальной фрустрированности осетинской выборки педагогов, отметим, что она так же, как и кабардинская, несет на себе элементы коллективистической ориентированности потребностей (табл. 3).

Таблица 3

Факторы социальной фрустрированности осетинских педагогов
(N = 27, объясненная дисперсия 62 %)

1 фактор (15,8 %) Общество	→ *удовлетворенность медицинским обслуживанием (0,785)* → *материальное положение (0,762)* → *обстановка в обществе (0,689)* → *удовлетворенность сферой услуг (0,598)* → *жилищно-бытовые условия (0,557)* → *проведение досуга (0,520)*
2 фактор (15,4 %) Ближайшее социальное окружение	→ *взаимоотношения с детьми (0,840)* → *образ жизни в целом (0,832)* → *взаимоотношения с друзьями (0,648)* → *содержание профессиональной деятельности (0,566)* → *положение в обществе (0,556)*
3 фактор (12 %) Иерархические отношения	→ *взаимоотношения с администрацией (0,752)* → *возможности проведения отпуска (0,714)* → *отношения с супругом (0,471)* → *удовлетворенность образованием (0,470)* → *отношения с родителями (0,427)*
4 фактор (10,8 %) Профессия	→ *взаимоотношения с субъектами профессиональной деятельности (0,798)* → *возможность выбора места работы (0,637)* → *условия профессиональной деятельности (0,481)*
5 фактор (8 %) Формальные отношения	→ *взаимоотношения с коллегами (0, 798)* → *положение в обществе (–0,555)*

Так, первым фактором структуры так же, как и у кабардинцев, выступает фактор «Общество», который характеризует в большей мере формальные системы отношений человека – обстановка в обществе, материальное положение, удовлетворенность медициной и сферой услуг, жилищно-бытовые условия и досуг. Второй фактор отражает потребности, связанные с ближайшим социальным окружением. В частности, в него входят показатели удовлетворенности отношениями с детьми, друзьями, которые тесно связаны с удовлетворенностью своим образом жизни в целом.

Особенность факторной структуры осетинской выборки педагогов – содержание третьего фактора, условно названного «Иерархические отношения». В данный фактор вошли показатели шкал взаимодействия в социальных группах, характеризующихся вертикальными связями – администрация и родители. Примечательно, что в этот же фактор вошли и взаимоотношения с супругом, что может быть объяснено влиянием традиций и патриархальной культуры отношений.

Заключение

Выявление особенностей внутренней факторной структуры социальной фрустрированности педагогов, принадлежащих к различным этническим общностям, позволяет утверждать, что факторы депривации значимых социальных потребностей личности, проявляющие себя в симптоматике социальной фрустрированности, тесно связаны с региональной и этнической культурой, представителем которой является субъект. Этническая и региональная культура, представленная в традициях, обычаях нормативах, задает основной вектор и эталоны субъективно-

го оценивания значимости отдельных составляющих социального пространства индивида и потому может рассматриваться как один из факторов его резистентности к стрессу и деструктивным социальным влияниям.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-06-00882.

Список литературы

1. Алехин А.Н., Вертячих Н.Н. Социально-стрессовые расстройства трудоспособного населения. (Клинико-психологическое исследование). [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2011. – № 3. – URL: http:// medpsy.ru (дата обращения: 07.09.2014).

2. Асмолов А.Г. Вариативное образование в изменяющемся мире: социокультурная перспектива (тезисы о том, какой быть начальной школе) // Образование и наука. – 2013. – № 8. – С. 3–15.

3. Балина Т.Н. Социальная фрустрированность как результат рассогласования между ценностями личности и возможностью их реализации в поведении // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 97–102.

4. Банщикова Т.Н. Трансформация компонентов профессиональной идентичности с признаками деструктивного характера в ситуациях неопределенности // European Social Science Journal, – 2013. – № 11–2 (38). – С. 276–283.

5. Вассерман Л.И. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение: методические рекомендации / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, М.А. Беребин. – СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2004. – 26 с.

6. Величковская С.Б. Зависимость возникновения и развития стресса от факторов профессиональной деятельности педагогов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М., 2005.

7. Капцов А.В. Карпушина Л.В. Тест личностных ценностей: Руководство по применению. – 3-е изд., доп. – Самара: ИПК «Содружество», 2010. – 40 с.

8. Клушина Н.П, Власова О.Г. «Лицей – технический университет»: Проблемы, поиски, решения // Высшее образование в России. – 2004. – № 3. – С. 66–70.

9. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества: монография. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.

10. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. – М.: Институт психологии РАН , 2009. – 351 с.

11. Пфаненштиль И.А., Яценко М.П., Борисенко И.Г. Лимит модернизации системы образования и роль государства // Профессиональное образование в современном мире. – 2014. – № 1 (12). – С. 128–134.

12. Hofstede G. National cultures revisited // Behavior Science Research. – 1983. – № 18. – P. 285–305.

References

1. Alexin A. N., Vertyachix N. N. Socialno-stressovye rasstrojstva trudosposobnogo naseleniya. (kliniko-psixologicheskoe issledovanie). [elektronnyj resurs] // medicinskaya psixologiya v rossii: elektron. nauch. zhurn. 2011. no. 3. url: http:// medpsy.ru (data obrashheniya: 07.09.2014).

2. Asmolov A.G. Variativnoe obrazovanie v izmenyayushhemsya mire: sociokulturnaya perspektiva (tezisy o tom, kakoj byt nachalnoj shkole).//obrazovanie i nauka. 2013. no. 8. pp. 3–15.

3. Balina T.N. Socialnaya frustrirovannost kak rezultat rassoglasovaniya mezhdu cennostyami lichnosti i vozmozhnostyu ix realizacii v povedenii // izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij. severokavkazskij region. obshhestvennye nauki. 2007. no. 3. pp. 97–102.

4. Banshhikova T.N. Tansformaciya komponentov professionalnoj identichnosti s priznakami destruktivnogo xaraktera v situaciyax neopredelennosti // european social science journal, 2013. no. 11–2 (38) pp. 276–283.

5. Vasserman L.I. Metodika dlya psixologicheskoj diagnostiki urovnya socialnoj frustrirovannosti i ee prakticheskoe primenenie: metodicheskie rekomendacii / l. i. vasserman, b. v. iovlev, m. a. berebin. spb.: psixonevrologicheskij institut im. v. m. bextereva, 2004. 26 p.

6. Velichkovskaya S.B. Zavisimost vozniknoveniya i razvitiya stressa ot faktorov professionalnoj deyatelnosti pedagogov. dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psixologicheskix nauk / moskva, 2005.

7. Kapcov A.V., Karpushina L.V. Test lichnostnyx cennostej: rukovodstvo po primeneniyu. 3-e izdanie, dop. samara: ipk «sodruzhestvo», 2010. 40 p.

8. Klushina N.P., Vlasova O.G. «Licej texnicheskij universitet»: problemy, poiski, resheniya // vysshee obrazovanie v rossii. 2004. no. 3. pp. 66–70.

9. Lebedeva N.M. Tatarko A.N. Cennosti kultury i razvitie obshhestva. monografiya. M.: izdatelskij dom gu-vshe, 2007.

10. Proxorov A.O. Smyslovaya regulyaciya psixicheskix sostoyanij. M.: institut psixologii ran, 2009. 351 p.

11. Pfanenshtil I.A., Yacenko M.P., Borisenko I.G. Limit modernizacii sistemy obrazovaniya i rol gosudarstva // professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire. 2014. no. 1 (12). pp. 128–134.

12. Hofstede G. National cultures revisited // Behavior Science Research. 1983. no. 18. pp. 285–305.

Рецензенты:

Плугина М.И., д.псх.н., профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, ГОУ ВПО «Ставропольский государственный медицинский университет», г. Ставрополь;

Соловьёва О.В., д.псх.н., профессор кафедры дефектологии Института образования и социальных наук, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Работа поступила в редакцию 06.10.2014.